

О.В. Некрасов

**Русские пограничники
на «Крыше мира»:
конец XIX – начало XX в.
(По архивным, правовым и иным материалам)**

Монография

МОСКВА
2017

УДК 947.084

ББК 68.41

Н 48

Ответственный редактор:

Козьменко В.М. — академик РАН, заведующий кафедрой истории России Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Рецензенты:

Литвинов П.П. — доктор исторических наук, профессор

Демидов А.М. — доктор исторических наук, доцент

Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»:

конец XIX — начало XX в. (По архивным, правовым и иным материалам). — М.: Авторская Академия, 2017. — 248 с.

ISBN 978–5-91902–039–4

Монография посвящена исследованию малоизученной в отечественной историографии деятельности российской пограничной службы в дореволюционной Средней Азии. Автор отмечает, что по всей России пограничная служба исполнялась пограничными подразделениями министерства финансов, однако до конца XIX века границы Русского Туркестана фактически охранялись частями военного министерства, в чьем ведении находился этот регион. Пограничные части финансового ведомства появились в нем лишь в конце указанного столетия. Вместе с тем государственная граница на Памире, как стратегически важном регионе, охранялась подразделением военного министерства. Автор акцентирует внимание на исследовании деятельности Памирского отряда, который нес не только пограничные обязанности, но и являлся правительственным учреждением, управляя коренным населением «Крыши мира» с функциями уездного начальства, чему представлены подробные и убедительные доказательства.

Издание будет интересно не только специалистам по военной истории, но широкому кругу любознательных читателей.

© Некрасов О.В., 2017.

*Автор выражает благодарность семье Снесаревых
за фотографии, предоставленные для оформления книги
(см. список на стр. 248)*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования: В истории любого государства пограничная служба всегда занимала особое место. Государственные рубежи всегда считались священными и неприкосновенными. Посягательство на них, как правило, вызывало вооруженные конфликты и войны. Охрана границ считалась почетным делом. Былинные русские богатыри воспевались прежде всего как защитники рубежей Отечества.

Российские пограничники первыми принимали удар иностранных нашествий. Так было, например, в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда героическое сопротивление наших пограничников позволило на некоторое время сдержать натиск немецко-фашистских полчищ.

Совершенно очевидно, что изучение истории отечественной пограничной службы заслуживает самого пристального внимания. Это особенно относится к ее дореволюционному прошлому. Авторитетные специалисты свидетельствуют о том, что с 1910 по 1990 год, «в течение восьми десятилетий крупных работ по истории дореволюционной пограничной службы не издавалось. В советское время до 1990 г. был опубликован лишь ряд популярных очерков и статей, касающихся этой проблемы... *Идея преемственности советских пограничных войск и дооктябрьской пограничной стражи исследователями игнорировалась полностью. Советская историография нигилистически подходила к изучению предшествующего опыта*». ¹ (Курсив — О. Н.) Безусловно, это недостаток. Однако не единственный. После распада СССР в молодых независимых и суверенных государствах, возникших на его основе (кроме, пожалуй, Белоруссии), усилились националистические интерпретации своего прошлого: обвинения в адрес «российского колониализма» (включая и советский период), преувеличение значимости некоторых событий собственной истории. Такая «детская болезнь» вполне понятна и объяснима. Менее состоятельна позиция отечественных историков, которые полагают, что надо изучать прошлое России лишь в рамках ее нынешних границ, не затрагивая бывших лимитрофов империи.

Известный российский туркестановед П. П. Литвинов пишет: «подход, исключаящий рассмотрение Российского государства на тех или иных этапах его существования в целостном выражении, представляется нам не только антинаучным, но даже аморальным.

---

¹ На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998. С. 7

Он напоминает разглядывание калеки, лишённого из-за разных житейских драм и трагедий, рук, ног и иных частей тела, с констатацией при этом, что он всегда был таким – с первых дней своего рождения, а потому нет ни нужды, ни особого интереса говорить об истории его жалкого бытия. Нет, есть и то, и другое. И для жизни человека, и для истории государства. Последнее всегда, на любом этапе своего развития представляет собой целостный организм, в котором не просто сосуществуют, но постоянно взаимодействуют, разносторонне и многообразно, разные его части – территории. Это могло иметь небольшое значение для Британии, Франции, Португалии, Испании, Германии и др., чьи колониальные владения находились вдалеке от своих «метрополий». Но для России, чьи территориальные приобретения фактически сливались с ее историческим «материковым телом» посредством множества связей (прежде всего экономических), это имело исключительно важное значение. Так почему же можно рассматривать историю Российского государства без тех частей, которые составляли некогда (не один год и не одно десятилетие) единое с ней целое? И не напоминает ли такой подход отмеченное нами выше садомазохистское разглядывание калеки? Напоминает. Мы полагаем, что если Российская империя в XIX – начале XX вв. включала в себя те же Кавказ и часть Средней Азии (Русский Туркестан), то надо писать о том, что они представляли из себя в то время, как она ими управляла и что из этого получилось»².

Мы разделяем оба вышеприведенных мнения и полагаем, что отсюда следуют два вывода. Во-первых, надо уделять больше внимания изучению дореволюционной пограничной службы вообще, а, во-вторых, это изучение должно охватывать и те регионы, которые входили в состав Российской империи и СССР, а позже стали независимыми государствами (таким регионом, безусловно, являлась Средняя Азия – Туркестан). В-третьих, в 2017 г. исполняется 125 лет со дня учреждения Памирского пограничного отряда, поэтому мы посвящаем данное исследование именно истории указанного пограничного формирования, оставившего по себе добрую память у всех поколений коренных народов «Крыши мира».

Актуальность пограничной проблемы в современной Средней Азии достаточно ощутима, но не однозначна. Преимущественно она

---

² Литвинов П.П. О целостности истории России во времени и пространстве // Преподавание отечественной истории. Исторические факты и их интерпретация. Материалы XVIII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 15–16 мая 2014 г. М., 2014. С. 133

касается межгосударственных границ в регионе, некогда бывших формальными в пределах СССР. Многими они признаются сомнительными. Таджикский историк Р. М. Масов пишет: «Считать, что современные территории нынешних народов и республик Средней Азии и Казахстана являются их исторической прародиной, абсолютно недопустимо. Эти земли в результате многочисленных миграций и перемещений оказывались местом обитания различных кочевых племен и народов вплоть до присоединения региона к России и окончательно были закреплены за населением образованных республик — Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана — в результате национально-территориального размежевания 1924 года»³. С этим можно согласиться.

Исследователь Л. Н. Лыскова считает: «Искусственный характер границ Центральноазиатских государств сыграл серьезную дестабилизирующую в межэтнических отношениях роль и продолжает представлять серьезную угрозу политической стабильности»⁴. О дестабилизирующей роли пограничных проблем во взаимоотношениях между молодыми независимыми и суверенными государствами Средней Азии убедительно пишет российский политолог И. В. Волков⁵. Казахстанский исследователь К. А. Аликулов сообщает о том, что в конце XX в. «началось существенное ухудшение межнациональных отношений по всей территории бывшего СССР, произошел распад самого СССР, участились межнациональные столкновения (Нагорный Карабах, Ош, Фергана, Приднестровье, Южная и Северная Осетия, Абхазия, Новая Узень, Чечня и т. д.)»⁶.

Большинство конфликтов возникало на пограничной почве, что вызывало реакцию прессы: например, 17 апреля 2009 г. кыргызстанская газета «Репортер-Бишкек» писала о том, что «пограничники Узбекистана препятствуют таджикистанцам во въезде в страну» и приводила многие примеры. В 1999 г. Узбекистан ввел визовый режим по

³ Масов Рахим. Таджики: вытеснение и ассимиляция. — Душанбе, 2003. С. 23

⁴ Лыскова Л. Н. Этнополитические процессы в Центральноазиатском регионе в условиях нового миропорядка. Бишкек, 2007. С. 123

⁵ См.: Волков И. В. Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана). Бишкек. 2007. С. 74–79

⁶ Аликулов К. А. (Алматы). Межнациональные отношения в республике Казахстан: сущность и уроки // Диалог цивилизаций. Информационный бюллетень научного направления «Великий Шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств». Вып. II. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (по материалам Международной конференции). Бишкек, 2003. С. 159

отношению к своим соседям по СНГ. Таджикистан тоже ввел такую меру, но изъявил готовность отменить ее, как только Узбекистан тоже это сделает. Из-за этого по-прежнему страдает много людей, ранее спокойно живших без границ и таможен⁷.

20 апреля 2009 г. в зоне пограничной заставы «Бозадыр» жители узбекских местностей Хушер и Согмент потребовали разрешения пасти скот на территории Кыргызстана и устроили акцию. Силами погранзастав «Чарбак» и «Согмент», подведомственных Баткентскому погранотряду, они были рассредоточены и разошлись⁸. Депутат Жогорку Кенеша (Верховного совета) Кыргызстана (фракция «Ак Жол» – «Светлый путь») Улугбек Ормонов в начале апреля 2009 г. указывал, что «некоторые участки кыргызско-таджикской границы потихонечку углубляются в нашу сторону». В связи с этим У. Ормонов поддерживает идею перемещения столицы Кыргызстана в г. Ош с тем, чтобы спасти территориальную целостность Кыргызской Республики. Следует отметить, что такое перемещение уже началось, например, уже в полном составе в Ош переехало МЧС КР⁹.

Правительство США в рамках программы «Экспортный контроль и безопасность границ» (EXBS) устанавливает мобильные пункты пропуска контейнерного типа на границах между странами Средней Азии. Они оборудованы новейшей техникой контроля. Один из таких пунктов – Бек-Абад – Автодорожный был открыт осенью на границе между Кыргызстаном и Узбекистаном послом США в Бишкеке Мари Йованович в присутствии высокопоставленных лиц из обоих государств¹⁰. Режим на границах между государствами Средней Азии трудно назвать совершенным. Пенсионерка Р. Бакиева писала в 2007 г. о поборах на границе Кыргызстана с Казахстаном и Узбекистаном, о хищении имущества при таможенном досмотре¹¹.

Что касается внешних границ между молодыми независимыми и суверенными государствами Средней Азии с Китаем, Афганистаном и Ираном, то для основной массы населения эта проблема менее актуальна. Зато она вызывает озабоченность властей стран, возникших на постсоветском пространстве. Их внешние границы были установлены еще в XIX в. и были незыблемыми до конца XX в. Однако в по-

⁷ Репортер-Бишкек. 2009. №12 (58). 17 апреля

⁸ Вечерний Бишкек. 2009. № 72 (9740). 22 апреля

⁹ Белый парус. Независимая общественно-политическая газета. 2009. № 24 (92). 10 апреля

¹⁰ См.: Павлович Людмила. Границы, которые объединяют // Слово Кыргызстана. Общенациональная газета. 2007. № 104 (22133). 5 октября, пятница

¹¹ Бакиева Роза. Пожалуйста... раскошеляйтесь! // Слово Кыргызстана. Общенациональная газета. 2007. № 104 (22133). 5 октября, пятница

стсоветский период межгосударственные рубежи претерпели изменения.

Например, согласно соглашениям 1996 и 1999 гг. между Кыргызской Республикой и Китаем к последнему отошли 1242 кв. км, составивших 33% первоначально объявленных КНР «спорных» территорий. Это, естественно, изменило ставшее традиционным направление бывшей российско-китайской (позднее советско-китайской) границы. Можно ли было избежать таких территориальных уступок? Мы считаем, что да. Но бывший президент Кыргызстана А.А. Акаев пытается их оправдать, радуясь, что 70 % спорных пограничных земель остались за его страной¹².

В течение постсоветского периода Таджикистан передал Китаю 1 тыс. кв. км¹³. Безусловно, это изменило пограничную линию с Китаем. Этот факт представляет для нас особый интерес, поскольку данное исследование посвящено Памирскому отряду, который в свое время охранял эту границу. Китай и тогда считал территорию Восточного Памира своей. При коммунистическом режиме в КНР она изображалась на картах как составная часть «Поднебесной» с заголовком: «Особый Памирский район Китая». Более того, и в маоистское время, и сегодня ханьская историография изображает положение кыргызов при китайском управлении как исключительно благодатное, не забывая при этом дискредитировать положение кочевников «Крыши мира» при русских царских и советских властях.

Это направление поддерживает и националистически ориентированная историография в постсоветских государствах Средней Азии, привыкшая представлять царско-советский «российский колониализм» в самом черном свете. С этими историками и солидарны западные авторы, старающиеся принизить роль России в исторических судьбах народов так называемой «Центральной Азии», что придает особую актуальность нашему исследованию. Наша задача – восстановить историческую истину, защитив достоинство нашего Отечества, повсеместно обеспечивавшего на рубежах государства не только защиту местных народов от агрессивных происков извне, но новые, более гуманные и справедливые принципы жизни. Это весьма показательно проявилось как во всей Средней Азии, так и конкретно на Памире.

¹² См.: Акаев Аскар. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002. С. 378

¹³ См.: Трофимов Дмитрий. Шанхайский процесс – от «пятерки» к «организации сотрудничества»: итоги 1990-х, проблемы и перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2002, № 2(20). С. 100

Актуальность нашего исследования определяется также и тем, что, как отмечалось выше, проблемы истории дореволюционной российской пограничной службы в настоящее время слабо разработаны. И наконец, исследование приобретает тем большую актуальность, что мы ведем в нем речь о специфическом формировании, не являвшимся элементом дореволюционной российской обычной пограничной службы. Мы рассматриваем Памирский отряд не только как сугубо пограничное подразделение, но и как правительственное учреждение по управлению местным коренным населением во всех сферах его бытия. Российский исследователь В.П. Литвинов указывает: «Памирский отряд был особым явлением в жизни тогдашнего Русского Туркестана. И это явление достойно того, чтобы его изучать с должной ответственностью и серьезностью»¹⁴. Чрезвычайно важно, что Памир – это место контактов трех групп народов: на севере – тюрков; западе и юге – арийцев; на востоке – монголов, тибетцев. А также место взаимодействия трех религий – ислама, буддизма и индуизма. Такое стратегическое положение «Крыши мира», безусловно, повышало ответственность русских пограничников за грамотное управления народами, проживающими на плато Восточного Памира.

Степень изученности темы. История пограничной службы в дореволюционной России в целом изучалась отечественными исследователями во все времена – царские, советские и постсоветские¹⁵.

Однако Памирскому отряду уделяли недостаточно внимания. В дореволюционный период немало писали о «Крыше мира», упо-

---

¹⁴ Литвинов В.П. Памирский отряд – форпост российской цивилизации в Центральной Азии (из истории пограничных войск России). // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. М.: РУДН, 2003. С. 341

¹⁵ См. напр.: Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польских украинских Московского государства до царя Алексея Михайловичам. М. 1846; Чернушевич М.П. Материалы к истории пограничной стражи. Служба пограничной стражи в мирное время. СПб, 1900–1910; Яковлев С.А. Засечная черта в Московском государстве. М., 1946; Ежуков Е. Становление и развитие пограничной охраны России в XV – начале XX веков. М., 1991; Под стягом России. М., 1992; Боярский В. На стороже Руси стояти. Страницы истории пограничной стражи Российского государства. (Серия «Стражи порубежья»). М. Граница; 1992; Плеханов А. Отдельный корпус пограничной стражи России. Краткий исторический очерк. М. Граница, 1993; Дьяков Н.А., Чепелкин М.А. Границы России в XVII – XX веках. М. 1995 и др.

миная о наличии на ней русского пограничного отряда¹⁶. Особый интерес вызывают работы исследователей, которые сами были начальниками Памирских отрядов¹⁷. Понятно, что по причине секретности они сообщали о деятельности отряда достаточно поверхностно, не вдаваясь в подробности, хотя весьма профессионально писали о «Крыше мира» вообще и о ее коренном населении в частности. В любом случае труды командиров-пограничников передавали атмосферу жизни и службы пограничного отряда.

Немалый интерес представляют в рассматриваемом нами отношении работы участника всех Памирских походов 1892–1895 гг. Б.Л. Тагеева, известного под псевдонимом «Рустам-бек»¹⁸.

¹⁶ См. напр.: Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909; Головина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы. М., 1902; Григорьев С.Г. Крыша мира (Памир). М., 1905; Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909; Зайченко. Памиры и Сарыкол. Ташкент, 1903; Корнилов (Л. Г.) Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903; Котляр Д. Крыша мира. Описание Центральной Азии. СПб., 1900; Назаров П.С. Поездка на Памиры // Землеведение. 1896. № 1; Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану. // Записки Русского Географического общества. Т. XXIII. 1891. № 2; Острогоров В. Памиры и Памирский вопрос. // Наблюдатель. 1894. № 6; Памир. Географо-политический очерк Делмара Моргана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 53. СПб., 1893; Ревелиотти Л. (Вице-консул в Калькутте). На Крыше мира. (Из Калькутты в Ташкент через Кашмир, Гильгит, Хунзу и Памиры). Пг., 1915; Скопин В.Н. Средняя Азия и Индия. М., 1904; Слуцкий И. Памиры в политическом отношении. // Средняя Азия. Альманах. 1910. № 1; Слуцкий И.К. К вопросу об обложении податями населения Памиров // Средняя Азия. Кн. 2. Ташкент, 1910; Снесарев А.Е. Северо-индийский театр. Ташкент, 1903; его же: Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906; Станкевич Б.В. По Памиру. (Путевые заметки). СПб., 1904; Уманец С. Памирский вопрос и его значение. // исторический вестник. 1892. № 67 и др.

¹⁷ См.: Зайцев В. Памирская страна – центр Туркестана. // Ежегодник Ферганской области. Вып. 2. Новый Маргилан, 1903; Кузнецов. Памиры. // Сборник материалов по Азии. Вып. 56. СПб., 1894; Муханов А.В. Военно-статистическое обозрение Памирского района. Ташкент, 1912; Скерский. Краткий очерк Памира. // Сборник материалов по Азии. Вып. 50. СПб., 1892; Снесарев А.Е. Памиры (Военно-географическое описание). Ташкент, 1903; Эггерт. Очерк Памиров. // Сборник материалов по Азии. Вып. 76. СПб., 1902

¹⁸ См.: Тагеев Б.Л. Русские над Индией. СПб., 1900; Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединение Памира к России. Варшава, 1902; Тагеев Б. По Азии. М., 1903; Тагеев Б. (Рустам-бек). По Азии. М., 1909; Рустам-бек-Тагеев Б. Через Алай и Памир. Очерки путешествий по Памиру. М., 1912

Он правдиво описывал первые русские пограничные отряды на «Крыше мира», обстановку, в которых они действовали, восхищался мужеством солдат, служивших в суровых условиях Памира, характеризовал быт местного коренного населения – кыргызов. Можно сказать, что в конце XIX – начале XX вв. дореволюционная отечественная историография лишь несколько прояснила вопрос о функционировании на «Крыше мира» русского пограничного отряда.

Начало советского периода ознаменовалось новыми работами о Памире¹⁹. Однако в них о Памирском отряде только упоминалось. Более детальное рассмотрение проблемы началось уже в послевоенное время. О присоединении Памира к России и учреждении там пограничного отряда кратко написал известный советский востоковед Н.А. Халфин²⁰. Не обошли упоминанием Памирский отряд и советские историки Б.П. Гуревич, Н.В. Шепелева, А. Прохоров²¹. Однако их работы были посвящены в основном проблемам российско-китайских отношений в Туркестане. Некоторые исследователи описывали Памирский отряд достаточно подробно: например, П.П. Литвинов писал не только об отряде как таковом, но и о его цивилизаторской деятельности среди памирских кыргызов²². Однако эта работа не была консолидированным трудом об истории Памирского отряда, к тому же она была издана под грифом «для служебного пользования» и надолго исчезла из поля зрения широкого читателя.

Исследователь А.В. Постников справедливо отмечает, что в советский период изучение Центральной Азии и Памира проводилось, однако «многие из результатов таких исследований сохранились

---

¹⁹ См.: Мушкетов Д.И. Поездка в Нарынский край и в Кашгарию. Пг., 1918; М.Н. Затерянный край Памиры. // Новый Восток. Кн. 2. М., 1923; Федченко Б.А. Памир – Крыша мира. // Вестник знания. 1928. № 1; Лапин Б. Повесть о стране Памир. М., 1929; Сажин П. У Крыши мира. М., 1929; Лукницкий П. У подножия смерти. М.-Л., 1931; Станишевский А. (Азиз Ниалло). По горным тропам. М. – Ташкент, 1933 и др.

²⁰ См.: Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965

²¹ См.: Гуревич Б.П. Петербургский договор 1881 г. и завершение территориального разграничения между Россией в Центральной Азии в конце XIX в. // Формирование границы между Россией и Цинским Китаем. М., 1970; Шепелева Н.В. Формирование западной части советско-китайской границы. // Формирование границ Китая. М., 1977; Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975

²² См.: Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. Фрунзе: Илим, 1989

в глубокой тайне вплоть до совсем недавнего времени»²³. О Памирском отряде упоминали также видные кыргызстанские историки Б. Джамгерчинов, К. Усенбаев, Э. Маанаев и В. Плоских²⁴. Они не могли обойти эту тему в своих исследованиях о памирских кыргызах. Но в их работах Памирский отряд рассматривался как некое новое явление в жизни коренного населения, причем в весьма поверхностном выражении. К тому же эти исследователи не могли использовать засекреченные в то время документы.

В советский период заметный интерес к Памирскому отряду проявили историки Таджикистана. Среди них можно выделить работы Б.И. Искандарова²⁵. Он писал о Памирском отряде, его значении в жизни таджикского населения Западного Памира (Горного Бадахшана), но целостного представления о деятельности российских пограничников на «Крыше мира» не сумел создать. То же можно сказать и о работах, написанных им в соавторстве²⁶. Проблемы деятельности российской пограничной службы нашли отражение в исследовани-

²³ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке: (монография в документах). М., 2001

²⁴ См.: Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии в XIX в. Фрунзе, 1966; Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; Маанаев Э. Из истории памирских киргизов. // Ученые записки историко-юридического факультета Киргизского государственного университета. Серия историческая. Фрунзе, 1963; Маанаев Э. Памирские киргизы. Фрунзе, 1963; Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира». (Исторические очерки о памиро-алайских киргизах). Фрунзе, 1983

²⁵ См.: Искандаров Б.И. Англо-русское соглашение 1895 г. о Памире // Труды Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. Серия: исторические науки. Вып. 27. Сталинабад, 1960. С. 125–154.; его же: Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 1. Душанбе, 1962; его же: Из истории народов Памира. // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 1; его же: Из история дореволюционного Таджикистана. Сб. ст. Душанбе, 1974. С. 27–71; Из истории присоединения Памира к России // Крыша Мира. Душанбе, 1965. С. 5–12; его же: Присоединения Памира к России и его прогрессивное значение // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1981. С. 35–53; его же: Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств и др.

²⁶ См.: Искандаров Б.И., Юсупов Ш.Т. Русская школа на Памире // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Душанбе, 1976. № 2. С. 14–19; их же: Русские врачи на Памире. // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Душанбе, 1976. № 3. С. 34–40; их же: Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской

ях А. Набиева, М. Назаршоева, О. Бокиева и др.²⁷, но среди историков Таджикистана в советский период только один посвятил статью конкретно Памирскому отряду²⁸. Генерал В. Лапин описал историю отряда в самых общих чертах на основании популярных материалов, среди которых архивные источники были незначительны. Безусловно, его труд представляет определенный интерес для исследователя, однако по причине краткости не дает развернутой и целостной картины о деятельности русских пограничников на «Крыше мира».

На наш взгляд, важнейшим недостатком работ таджикских исследователей в советский период было преувеличение роли присоединения Западного Памира (Горного Бадахшана) к России. Конечно, в советское время тема присоединения, а то и добровольного вхождения в состав России тех или иных регионов Средней Азии была весьма популярна. Однако Западный Памир (Горный Бадахшан) принадлежал Бухарскому ханству, управлялся его администрацией и никогда к царской России не присоединялся.

Есть основания утверждать, что в советский период история Памирского пограничного отряда конкретным образом серьезно не рассматривалась. Однако она изучалась в контексте рассмотрения проблем «Памирского вопроса» в конце XIX в., этнической истории кыргызов «Крыши мира», социально-экономического развития региона и пр., что также имело позитивные результаты, особенно для рассмотрения цивилизаторской роли Памирского отряда среди коренного населения региона.

В постсоветский период появилось немного работ, посвященных рассматриваемой нами проблеме. С солидной монографией о международной обстановке вокруг Памира в XIX в. выступил исследователь А.В. Постников²⁹. Рассказывая о Памирских походах русских

---

²⁷ См.: Набиев А. Присоединение Памира к России и его социально-политическое положение до победы Великой Октябрьской Социалистической революции (1895–1917 гг.) // Ученые записки Таджикского сельскохозяйственного института. Серия общественных наук. Т. 9. Вып. 2. Душанбе, 1964. С. 80–104; Назаршоев М.Н. Социальное экономическое положение дореволюционного Памира. Душанбе, 1975. С. 172–206; его же: Добровольное вхождение Памира в состав России и его прогрессивное значение // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Дониш, 1985. – С. 36–66; Бокиев О.Б. Истоки братской дружбы таджикского и русского народов // Коммунист Таджикистан. Душанбе, 1985. № 7. С. 60–67 и др.

²⁸ См.: Лапин В. Памирский пограничный отряд. // Крыша мира. Сб. ст. Душанбе, 1965. С. 14–28

²⁹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке: (монография в документах). М., 2001

войск, он упоминает о пограничном отряде на «Крыше мира», хотя и достаточно поверхностно. Это неудивительно, поскольку сам А.В. Постников считает, что основная цель его книги — «анализ истории географического изучения и картографирования Памира, проводившихся в условиях борьбы («Большой игры») Великобритании, России, Афганистана и Китая за господство в этом регионе»³⁰.

История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире стала темой диссертационного исследования Л.И. Сумарокова. Однако особенностям пограничной охраны в дореволюционный период на Памире им уделено совсем немного внимания. Отечественные же историки пограничной службы фактически ничего не пишут о Памирском отряде³¹, порой допуская серьезные ошибки и неточности. Например, они утверждают, что «в 1857 году генерал В.А. Перовский разбил кокандского хана и овладел долиной Сырдарьи»³². В это трудно поверить, так как В.А. Перовский (1794—1857) был в 1855 г. уволен со службы «согласно прошения по совершенно расстроенному здоровью». Он скончался (16 декабря 1857 г. — О.Н.) в Алушке»³³. Сообщая о том, что «до 1896 г. границу в Туркестанском крае и Закаспийской области охраняли: регулярная армия, казачьи войска и вольнонаемные джигиты»³⁴, несколько выше они отмечают, что «до 1894 г. в Средней Азии границу области (Закаспийской — О.Н.) и Туркестанского края охраняли регулярные войска, главным образом, пехота и казаки»³⁵. Читателю остается только догадываться, в каком случае они писали верно, а в каком — нет.

И уж совсем непонятно заявление историков пограничной службы о том, что «после включения Бухарского и Хивинского ханств в состав Российской империи всё большее значение в охране границы стала приобретать внешняя служба Уральского, Оренбургского и Семиреченского казачьих войск»³⁶. Любой мало-мальски знакомый с историей Средней Азии знает о том, что указанные ханства никогда

³⁰ Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. Бишкек: КРСУ. 2006. 242 с.

³¹ См.: На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998

³² На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. — М., 1998. — С. 198

³³ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь. — М., 2005. — С. 180—181

³⁴ На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998. С. 265

³⁵ Там же. С. 247

³⁶ Там же. С. 265

не входили в состав Российской империи, а были только ее протекторатами и сохраняли, пусть и формальную, но независимость. Известный российский историк В.А. Федоров пишет о том, что «номинальную автономию имели Бухарский эмират и Хивинское ханства, находившиеся в вассальной зависимости от России»³⁷.

В последнее время в отечественной историографии можно отметить только две статьи, посвященные непосредственно Памирскому отряду³⁸. Однако исследование В.П. Литвинова отличается краткостью и содержит самые общие сведения о пограничном отряде на «Крыше мира». У него есть еще две статьи (одна в соавторстве), посвященные памирской проблематике, но они лишь косвенно относятся к рассматриваемой нами проблеме³⁹. Насколько нам известно из личного знакомства с автором, на этом его интерес к изучаемой нами теме угас, поскольку впоследствии кандидатскую диссертацию он защитил по вопросам административной ссылки в Русском Туркестане. Статья А.К. Алексеева посвящена в основном экспедиции генерала М.Е. Ионова в Западный Памир, которая привела к присоединению этого региона к России и отчасти затрагивает роль и значений Памирского пограничного отряда в политической и культурной жизни Бадахшана.

Авторы солидной коллективной монографии: «Центральная Азия в составе Российской империи» пишут только о том, что «летом 1891 г. на Памир из Ферганы выступил российский отряд под командованием полковника М.Е. Ионова. В результате военных действий часть памирской территории была присоединена к России»⁴⁰. И ничего более.

³⁷ Федоров В.А. История России. 1861–1917. М., 2004, с. 166

³⁸ См.: Литвинов В.П. Памирский отряд – форпост российской цивилизации в Центральной Азии (из истории пограничных войск России). // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. М.: РУДН, 2003. С. 335–341; Алексеев А.К. Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М.Е. Ионова в Западный Памир (1894г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13, Вып. 3. 2009. С. 76–90

³⁹ См.: Литвинов В.П. Политическое значение Памира в международных отношениях конца XIX – начала XX в. // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. М.: РУДН, 2003; Литвинов Вл. П., Литвинов Вяч. П. Дорога на «Крышу мира» (к вопросу о нетрадиционных путях хаджа в Туркестане). // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 25 апреля 2003 г. М.: РУДН, 2003

⁴⁰ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 84–85

Выпущенная М.К. Басхановым к 150-летию со дня рождения научная биография А.Е. Снесарева на основе архивных документов раскрывает многие эпизоды его службы в Туркестане (1899–1904) и в том числе командование Памирским отрядом⁴¹. Представляет интерес и книга члена Русского географического общества Н.А. Захарчева, в которой содержатся биографии офицеров-начальников Памирского отряда и документы, рассказывающие об организации службы первых пограничных отрядов⁴². Однако общей картины по деятельности Памирского отряда они не дают.

Постсоветские вузовские учебники по истории России эту проблему вообще обходят стороной. О Памире и англо-русском его разграничении в 1895 г. пишут только В.А. Федоров, В.И. Моряков и Ю.А. Щетинин, но предельно кратко⁴³. Другие авторы вузовских учебников лишь отмечают факт присоединения Средней Азии к России⁴⁴, а некоторые даже не упоминают об этом⁴⁵. Как тут не вспомнить слова П.П. Литвинова, которые мы приводили в начале этого раздела. Таким образом, можно утверждать о том, что после распада СССР отечественная историография мало продвинулась вперед в части изучения прошлого как Русского Туркестана, так и пограничных войск в Средней Азии вообще, и Памирского отряда в частности.

В постсоветское время историю пограничной службы царской России в Туркестане ученые стран так называемой «Центральной Азии» предметно не изучали. Зато есть сочинения об истории границ молодых независимых и суверенных государств нынешнего Туркестана. Так, например, казахстанский исследователь П.С. Белан в своей книге дает раздел: «Границы Казахстана в древности, в средние века и в составе царской России»⁴⁶. Причем он связывает границы Казахстана в древности даже с Бехистунской надписью персидского

⁴¹ См.: Басханов М.К. У ворот английского могущества: А.Е. Снесарев в Туркестане. 1899–1904. М., С-Пб.: Нестор-История. 2015. 328 с

⁴² См. Захарчев Н.А. Тайны Памирского поста. Ульяновск. 2015. 176 с

⁴³ См.: Федоров В.А., Моряков В.И., Щетинов Ю.А. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник для вузов. М., 2010, с. 269

⁴⁴ См. напр.: Федоров В.А. История России. 1861–1917. М., 2004; Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник для вузов. М., 2006

⁴⁵ См.: Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В. История России. Учебник. М., 2007; Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. Учебник для вузов. М., 2008; Чумаченко Э.Г. История России. 12 веков (IX–XX). Учебное пособие. М., 2002;

⁴⁶ См.: Белан П. С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы, 2008, с. 14–85

царя Дария I (522–486 гг. до н. э.)⁴⁷. Это выглядит по меньшей мере несерьезно, поскольку такого государства, как Казахстан, в дореволюционной истории не было и о его границах в прошлом можно говорить лишь как о неких географических пределах региона.

Такого же рода интерпретации о границах выдвигают историки и других стран нынешней Средней Азии. Современный узбекистанский ученый А. Эркинов пишет об историках-националистах стран «Центральной Азии»: «История, похоже, мало кого учит. По горькой иронии, люди, прежде писавшие о колониальном периоде в соответствии с советской идеологической установкой, ныне, нисколько не смущаясь, сменили «положительные оценки» на прямо противоположные»⁴⁸.

Особняком в этом плане выступают исследователи из Таджикистана, в постсоветский период по-прежнему уделяющие значительное внимание проблеме функционирования Памирского отряда. Как ни странно, но в их работах тема присоединения Западного Памира (Горного Бадахшана) к России снова превалирует⁴⁹.

Таджикский академик Р.М. Масов пишет о том, что в результате «многих обращений местного населения к русским войскам в 1903 г. территория Горного Бадахшана была переведена под управление русских военных властей в лице Хорогского погранотряда». По его мнению, это было «добровольным и великим присоединением»⁵⁰. Таджикский исследователь Х. Пирумшоев пишет о том, что «в основе управления Памира лежала «Временная Инструкция Памирского отряда», утвержденная командующим Туркестанского военного округа в 1905 г.»⁵¹. Он называет документ неправильно –

⁴⁷ Белан П.С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы, 2008, с. 14

⁴⁸ Эркинов Афтандил. Андижанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2003. №1(20). С.113

⁴⁹ См.: Карамшоев Д., Харкавчук И. Пограничники и жители Памира. – Хорог, 1995; Масов Р. М. Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально – государственном строительстве // Мероси Ниёгон. 2001. № 5. С. 8–14; Пирумшоев Х. Горный Бадахшан и русский пограничный отряд в конце XIX – начале XX веков. // Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1998; Назаршоев Н.М. От первых постов до пограничной группы. // Горячий Пяндж. Документально-литературный сборник о российских пограничниках в Таджикистане. (1992 – 2001гг.). Душанбе, 2001. С. 15–19 и др.

⁵⁰ Масов Р.М. Историческое значение добровольного присоединения Горного Бадахшана к России (история, современность, перспективы). // Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1998. С. 133

⁵¹ Пирумшоев Х. Горный Бадахшан и русский пограничный отряд в конце XIX – начале XX веков. // Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1998. С. 120

на самом деле название было следующим: «Инструкция начальнику Памирского отряда». Однако главное – Пирумшоев ничего не пишет о том, на каком основании управлялся Памир до 1905 г.

Показательно диссертационное исследование таджикского историка М. Алимшоева, посвященное проблеме отношения Памирского отряда с окружающим его населением⁵². Автор рассматривает в основном контакты русских пограничников с таджиками западно-памирских бекств Бухарского ханства, так как штаб-квартира Памирского отряда находилась на их территории – в Хороге. Первая глава его исследования так и называется: «Предпосылки и ход присоединения Горного Бадахшана к России», что противоречит вышесказанному. Что касается 2-й главы («Добровольное присоединение Памира к России и образование Памирского пограничного отряда»), то с этим можно согласиться, но только по отношению к восточной части «Крыши мира».

М. Алимшоев допускает много неточностей в изложении указанных глав, однако, пожалуй, больше всего их мы обнаруживаем в 3-й главе его исследования: «Памирский пограничный отряд в системе политической, социально-экономической и культурной жизни Памира». Так, например, он пишет о том, что на Памире была Памирская волость из двух аминств – Мургабского и Ранкульского и Аксуйская волость из – Акташского и Аличурского. Но тут же отмечает, что «согласно сообщению туркестанского генерал-губернатора от 2 января 1896 г. военному министру, Памирская волость разделялась в административном отношении на три аминства – Мургабское, Аксуйское и Ранкульское»⁵³.

Ошибка этого исследователя заключается не только в том, что в этой волости было 4 аминства, но и в том, что вообще не было Аксуйского аминства, а было Акташское. И это признает сам М.М. Алимшоев, отмечая, что «Памирскую волость составляют четыре аминства: Мургабское, Ранкульское, Аличурское и Акташское»⁵⁴. Такого рода противоречий, явно ненаучного свойства, достаточно много в его работе. Несовершенен и аппарат исследования. М. Алимшоев приводит, например, источник: «РГИА, ф. дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе»⁵⁵. Но такого фонда в Рос-

⁵² Алимшоев М.М. История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 2003

⁵³ Алимшоев М.М. История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 2003. С. 95–96

⁵⁴ Там же. С. 109

⁵⁵ Там же. С. 53

сийском государственном историческом архиве (РГИА) нет – он есть в Центральном госархиве Узбекистана (ЦГА Узб.).

Среди фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) Алимшоев упоминает фонд 19 – Ферганское областное правление, которого тоже никогда не существовало. Это – фонд ЦГА Узбекистана. Кстати, фонд 400 в РГВИА он называет: «Главный штаб по азиатской части»⁵⁶. Видимо, он не работал в этом архиве, если не употребляет его правильное название: «Главный штаб. Азиатская часть». Вообще, база источников исследования М. Алимшоева крайне ограничена и оставляет желать лучшего.

Однако главное заблуждение М. Алимшоева и многих других таджикских исследователей заключается в том, что они приписывают Памирскому отряду по отношению к населению Западного Памира (Горного Бадахшана) функции, которыми он не располагал, выдавая, таким образом, желаемое за действительное. В научном плане это иначе как несостоятельным назвать трудно. В данном исследовании мы представим ряд серьезных доказательств. Подводя итоги историографического обзора работ дореволюционных и советских авторов, а также трудов постсоветских исследователей из стран так называемой «Центральной Азии» по рассматриваемой теме, мы с уверенностью можем констатировать тот факт, что пока не появилось ни одного научного труда, в котором в полной мере специальным образом была бы детально проанализирована деятельность Памирского пограничного отряда в конце XIX – начале XX в.

Безусловно, в ракурсе изучаемой темы нельзя обойтись без анализа соответствующей зарубежной историографии. Учитывая остроту «памирского вопроса», англо-русских противоречий на рубежах Центральной Азии, позиций Китая и Афганистана в регионе, иностранные исследователи немало писали о политике вокруг «Крыши мира»⁵⁷. Некоторые из них сами побывали на Памире, где

⁵⁶ Там же. С. 163

⁵⁷ См.: Colquhoun Archibald R. The problem in China and British policy. – London, 1900; Curtis William Eleroy. Turkestan. “The Heart of Asia”. New York, 1911; Holdich T.H. Sven Hedin and Dutreuil de Rhins in Central Asia // The Geographical journal. February 1899. Vol. XIII, № 2, pp. 159–166; Krausse Alexis. Russia in Asia. A record and a study. 1558–1899. London, 1900; Rawlinson H. England and Russia in the East. The political and geographical condition of Central Asia. London, 1875; Ronaldshaw E. On the outskirts of empire in Asia. London, 1904; Skrine F.G. and Ross E.D. The Heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. London, 1899; Taylor R. Central Asia. Travels in Kashmere, Little Tibet and Central Asia. New York, 1892; The Cambridge modern history. Vol. XI.

были гостями пограничного отряда, о чем они оставили достаточно правдивые сведения⁵⁸. Но не все. Так, например, капитан англо-индийских спецслужб Р.П. Коббольд, арестованный на Памире русскими пограничниками, напичкал свою книгу множеством разного рода искажений и инсинуаций⁵⁹.

Дореволюционная зарубежная историография о Памире и русском пограничном отряде в этом регионе не была по существу объективной, поскольку она нередко выступала с антироссийских позиций и отстаивала британские интересы. Поэтому нет никаких оснований говорить о «классовом» единстве царизма и Лондона в международных отношениях на рубежах Центральной Азии, как о том было принято писать в советское время. Вместе с тем некое «родство» между ними наблюдалось, когда указанные отношения касались иных «цивилизаций» — китайской и афганской. На наш взгляд, по отношению к последним иногда возникали признаки сговора между царской и английской дипломатией у «Крыши мира». Многие зарубежные авторы именно так расценивают англо-русское разграничение на Памире в 1895 году.

«Классовые» оценки событий в Средней Азии и на Памире в конце XIX — начале XX особенно проявились в зарубежной историографии периода существования СССР. Иностранные исследователи стали рассуждать о том, что советская политика на рубежах Центральной Азии является продолжением агрессивных действий царской России в регионе⁶⁰. Вместе с тем в зарубежной историографии появлялись и относительно объективные работы по рассматриваемой нами про-

---

The growth of nationalities. Cambridge, 1909; The Cambridge modern history. Vol. XII. The latest age. Cambridge, 1910 и др.

⁵⁸ См.: Curzon George N. The Pamirs and the source of the Oxus. London, 1898; Deasy H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan. Being the record of three years of exploration. London, 1901; Dunmore. The Pamirs: being a narrative of a year's expedition on horse back and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. Vol. 1–2. London, 1893; Hedin Sven. My life as explorer. — New York, 1925; Olufsen O. Through the unknown Pamirs. The second Danish expedition. 1898–1899. — London, 1904; Stein M. Aurel. Ruins of Desert Cathay. Personal narrative of exploration in Central Asia and Westernmost China. In 2 vols. — London, 1912

⁵⁹ См.: Cobbold Ralph P. Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. London, 1900

⁶⁰ См.: Alder G. J. British India's Northern frontier. 1865–1895. A study of imperial policy. London, 1963; Bacon E. E. Central Asians under Russian rule. A study of Cultural Change. Cornell University Press. N-Y., 1966; Bourne K. The foreign policy of Victorian England. 1830–1902. Oxford, 1970; Central Asia. A Century of Russian Rule. Ed. by E. Allworth. Columbia Univ. Press. New-York — London, 1967; Etherton P. T. In the Heart of Asia. London, 1925; Gosses F. The management of British foreign policy before the first World War especially during the period 1880–1914. — Leiden,

блематике⁶¹. Отдельно хотелось бы выделить работу исследователя Н.М. Шахрани, который описывал жизнь памирского населения Афганистана, что позволило нам прибегнуть к компаративному методу в данном исследовании⁶².

Общий обзор историографии по изучаемой теме свидетельствует о том, что при всем обилии соответствующей литературы ее явно недостаточно для того, чтобы в полной мере представить научную картину деятельности Памирского пограничного отряда в рассматриваемый период. Поэтому мы обратились к источникам, с помощью которых многие пробелы в знании о нем были восполнены разного рода ценными материалами.

Источниковая база исследования. Важнейшую часть источников, использованных в данном исследовании, составили нормативно-правовые, законодательные акты. В работах современных историков, особенно начинающих, нередко отсутствует законодательная база – многие предпочитают заниматься компиляциями. Это обедняет исследования. В царской России даже мелкие события и явления регламентировались законами. Известный российский туркестановед, проф. П.П. Литвинов пишет о том, что «правовой документ – это воля государства, облеченная в нормативную форму. Ей обязаны подчиняться все... Законы устанавливают те «правила поведения», которым все должны следовать, и в этом отношении *они как источник бесспорны.* В них можно сомневаться, но *их нельзя не учитывать в действитель-*

1948; Habberton William. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan. 1837–1907. – University of Illinois at Urbana, 1937; Fraser-Tytler Kerr. Afghanistan. A study of political development in Central Asia. – London–New York–Toronto, 1953; Lamb Alastair. Britain and Chinese in Central Asia. The road to Lhasa. 1767–1905. – London, 1960; Piersе Richard A. Russian Central Asia. 1867–1917. A study of colonial rule. – Los Angeles, 1960; Piersе G. Fredericks. The sepoy and the Cossack. – New York, 1971; Saray Mehmet. The Russian Conquest of Central Asia. // Central Asiaq Survey. The Journal of the Society for Central Asian Studies. 1982. Vol. 1. № 2–3. P. 1–30; Skrine C.P. Chinese Central Asia. London, 1926; Shomberg R.C.F. Between Oxus and the Indus. – London, 1935 и др.

⁶¹ См.: Edwardes Michael. Playing the Great Game. A Victorian cold war. London, 1975; Gillard D. The struggle for Asia. A study in British and Russian imperialism. London, 1977; Holdsworth Mary. Turkestan in the Nineteenth century. London, 1959; Lattimore Owen. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia. Boston, 1950; Singhal D.P. India and Afghanistan. A study in diplomatic relations. 1876–1907. Melbourne, 1963; Strong Anna Louise. The road to the Grey Pamir. – Boston, 1931 и др.

⁶² См.: Shahrani Nazif Mohib M. The Kirgiz and Wakhi of Afghanistan. Adaptation to closed frontiers. University of Washington press, Seattle and London, 1979

но исторических исследованиях, тем более, ими нельзя пренебрегать»⁶³. (Курсив — О.Н.) Поэтому в процессе исследования проблемы мы ввели в научный оборот десятки нормативно-правовых актов разного рода.

Прежде всего использовались правовые документы, касавшиеся организации и деятельности общероссийской пограничной стражи, подчиненной, как известно, Министерству финансов⁶⁴. По-

⁶³ Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. С. 36

⁶⁴ См.: Высочайше утвержденное Положение об устройстве пограничной таможенной стражи. 5 августа 1827 года. // ПСЗРИ-2. Т. 2. 1827. СПб., 1830. № 1282; Именной Высочайший указ, данный Сенату — О преобразовании Пограничной стражи в Отдельный корпус и об утверждении временного штата Управления означенного Корпуса. 15 октября 1893 года // ПСЗРИ-3, т. 13. СПб., 1897. № 9975; Высочайше утвержденный доклад Министра финансов — О преобразовании управления пограничной стражи. 15 октября 1893 года. // ПСЗРИ-3. Т. 13, отд. 1. СПб., 1897. № 9980; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — Об устройстве Пограничного надзора в Средней Азии. 6 июля 1894 года. // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10779; Высочайшее повеление, объявленное министром финансов — О присвоении джигитам Пограничного надзора Средней Азии формы одежды чинов местной милиции. 5 августа 1894 года. // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10938; Высочайшее повеление, объявленное министром финансов — О добавлении 4 обер-офицеров к составу пограничного надзора в Средней Азии. 30 июня 1895 года. // ПСЗРИ-3. Т. 15. Отд. 1. СПб., 1899. № 11917; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — Об усилении Пограничного надзора в Закаспийской области. 22 января 1896 года. // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12456; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — О преобразовании Пограничного надзора на среднеазиатских границах в две бригады Отдельного корпуса пограничной стражи. 9 декабря 1896 года. // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13503; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — О правах и обязанностях начальников округов Отдельного корпуса пограничной стражи. 4 июня 1899 года. // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17061; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — Об утверждении штата Управлений округов Отдельного корпуса пограничной стражи. 1 февраля 1899 года. // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16440; Высочайшее повеление, объявленное министром финансов — Об утверждении расписания пограничной стражи по округам и места расположения Окружных штабов. 7 мая 1899 года. // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16837; Высочайшее повеление, объявленное военным министром — Об определении посуточной оплаты за пользование нижних чинов пограничной стражи на санитарно-гигиенических станциях. 22 марта 1897 года. // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 13880; Правила об отдельном корпусе Пограничной стражи. // Устав Таможенный. Изд. 1910 г. // Свод законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1912 и др.

скольку пограничная стража в царской России выступала как придаток к Таможенному ведомству Министерства финансов и только в 1893 г. была выделена в самостоятельный корпус, не утратив при этом служебных связей с указанным ведомством, то мы привлекли к исследованию и соответствующие законодательные акты⁶⁵. Как известно, на территории Русского Туркестана до появления в конце XX в. подразделений пограничной стражи Министерства финансов функции охраны государственных границ исполняли формирования Военного министерства, что нашло отражение в соответствующих нормативно-правовых документах⁶⁶. Потребовалось также изучение правовых актов, связанных с управлением Русским Тур-

⁶⁵ См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве таможенного надзора в Туркестанском крае. 2 мая 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3663; Высочайшее повеление, объявленное за Министра финансов Товарищем Министра – О вооружении таможенной стражи в Туркестанском крае и таможенных досмотрщиков. 13 мая 1888 года. // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 5195; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве таможенной части в Закаспийской области. 24 января 1889 года. // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5731; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Туркестанского и Семипалатинского таможенных Округов. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6933; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О служебных правах чинов таможенных учреждений в Туркестанском крае. 12 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 69; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве Таможенной Части в Закаспийской области. 8 июня 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1897. № 9745; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об устройстве таможенной части в Средней Азии. 6 июня 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10774; Высочайшее повеление, объявленное министром финансов – Об открытии действий вновь образуемых таможенных учреждений в Средней Азии с 1 сентября 1894 года. 15 июля 1894 года. // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10908; Высочайшее повеление, объявленное министром финансов – О присвоении чинам Закаспийского таможенного округа формы, установленной для Туркестанского и Семипалатинского таможенных округов. 8 августа 1896 года. // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13196; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении в устройстве Таможенной части в Средней Азии. 10 декабря 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20814; Устав Таможенный. Изд. 1910 г. // Свод законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1912 и др.

⁶⁶ Именной, объявленный в приказе военного министра – О Командующем Сыр-дарьинской линией. 5 июля 1854 года. // ПСЗРИ-2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855.

кестаном, который, в отличие от подавляющего большинства административно-территориальных образований в царской России, подчинялся не Министерству внутренних дел, а Военному ведомству. А оно по закону тоже несло ответственность за положение на границах края⁶⁷. Поэтому изучаемый нами Памирский пограничный отряд находился в его подчинении.

Поскольку мы рассматриваем деятельность Памирского пограничного отряда в самом широком плане, включая и работу с населением, то уместно привести законодательные документы об освобождении кочевников «Крыши мира» от государственного налога, земских сборов и содержания местной «туземной администрации». Появление этих актов было инициировано прежде всего начальством

№ 28392; Высочайше утвержденное Положение о военном устройстве Киргизской степи Оренбургского ведомства и Сыр-дарьинской линии. 3 декабря 1861 года // ПСЗРИ-2. Т. 36. Отд. 2. СПб., 1863. № 37699; Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским Округом. 25 декабря 1862 // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39088; Высочайше утвержденное Положение Военного совета — О производстве порционных денег офицерам, классным чиновникам и лицам духовного ведомства пограничных отрядов Семиреченской области. 12 декабря 1870 года. // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд. 2. СПб., 1874. № 49007; Высочайше утвержденное Положение о Туркменской милиции в Закаспийской области. 15 февраля 1885 года // ПСЗРИ-3, т. 5. СПб., 1887. № 2747; Высочайше утвержденное Положение Военного совета- Об увеличении числа урядников в Туркменской конной милиции. // ПСЗРИ-3. Т. 7. Отд. 1. СПб., 1889. № 4692; Высочайше утвержденное Положение Военного Совета — О Туркменском конном дивизионе. 25 октября 1892 года. // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8979. и др.

⁶⁷ Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. С. 876–881; Именной, данный Сенату — Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44831. С. 1150–1151; Именной, объявленный в приказе Военного Министра — Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1156–1164; Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — Об образовании Казенной Палаты и Казначейства в Туркестанском крае. 3 июня 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 47189; Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10, отд. 1. СПб., 1893. № 6576. С. 70–75; Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем . 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814 и др.

Памирского отряда⁶⁸. Использование законодательных актов применительно к изучаемой теме помогло представить в полной мере механизм деятельности пограничной службы в Средней Азии в конце XIX – начале XX в. как относящейся к Министерству финансов, так и к Военному ведомству.

Другими важнейшими источниками стали архивные материалы: как из фондов российских государственных архивохранилищ, так и соответствующих учреждений среднеазиатских республик. В Росийском государственном историческом архиве (РГИА – Санкт-Петербург) мы использовали материалы фонда 565 (Департамент государственного казначейства Министерства финансов), в котором хранятся некоторые документы о деятельности пограничной стражи, а также фонда 1284 (Департамент общих дел МВД), в котором накапливались отчеты губернаторов, в том числе и областей Русского Туркестана. Пожалуй, наибольшее число документов, оказавшихся полезными для нашего исследования, было почерпнуто в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА – Москва). Здесь наибольший интерес представили фонды: 400 (Главный штаб. Азиатская часть); 401 (Военно-ученый комитет); 1396 (Штаб Туркестанского военного округа), 2000 (Главное управление Генерального штаба). В них содержатся материалы о деятельности Памирского отряда, о его разведывательной работе, отчеты об исследовании

⁶⁸ Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета – О временном освобождении кочевого населения Памирской волости от государственного налога и земского сбора и об отнесении расходов по содержанию туземной администрации этой волости на земские средства Туркестанского края. 6 мая 1896 года. // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12903; Высочайше утвержденное Мнение департамента Государственной экономии Государственного совета – О назначении жалованья лицам туземной администрации Памира из земских сумм Туркестанского края. 9 марта 1898 года. // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15138; Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад военного министра – О продлении на 1 год Высочайше дарованной милости кочевому населению Памирской волости, в виде освобождения от уплаты государственного налога и земских сборов. 15 сентября 1900 года. // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19229; Высочайшее повеление, объявленное военным министром – О продлении кочевому населению Памирской волости льготы по освобождению от уплаты государственного налога и земского сбора. 10 декабря 1902 года. // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22248; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О временном освобождении кочевого населения двух Памирских волостей от податного обложения и об отнесении на земские средства Туркестанского края расходов на содержание Памирской туземной администрации. 31 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. отд. 1. СПб., 1907. № 24660. С. 570

пограничной полосы на Памире, военно-географические сведения о «Крыше мира» и др.

Любопытные материалы были обнаружены нами в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ – Москва). В фонде 147 (Среднеазиатский стол), 242 (Консульство в Кашгаре) хранятся документы, связанные в основном с организацией и деятельностью разведки Памирского отряда, ее связях с другими органами русской разведки в регионе: Генеральным консульством в Кашгаре, Политическим агентством в Бухаре, Ташкурганским постом и др.

Среди российских архивохранилищ наше внимание привлекли материалы Архива Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН: здесь имеется фонд 115, в котором собраны документы одного из самых видных начальников Памирского отряда – А.Е. Снесарева, ставшего позже крупным советским ученым-востоковедом. Эти документы свидетельствуют не только о деятельности пограничного подразделения на «Крыше мира», но и о жизни памирских кыргызов, их экономическом положении, нравах, быте и т. п. Такие материалы позволили создать более верное и близкое к реальности представление об обстановке на Памире в рассматриваемый период.

Безусловно, чрезвычайный интерес вызвали и материалы Центрального государственного архива Узбекистана (ЦГА Узб. – Ташкент): фондов 1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), 2 (Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе), 3 (Российское Императорское Политическое агентство в Бухаре), 19 (Ферганское областное правление), 69 (Туркестанский отдел Императорского Русского Географического общества), 276 (Канцелярия военного губернатора Ферганской области). Документы этих фондов приобрели, на наш взгляд, стержневое значение для данного исследования, поскольку они имеют в информационном отношении более многосторонний характер, нежели иные архивные материалы.

Они свидетельствуют о разных направлениях деятельности Памирского отряда – военном, административном, судебном и прочих, о его отношениях с местным коренным населением, цивилизаторских мероприятиях пограничников, связях с Горным Бадахшаном и т. п. Из Центрального государственного архива Туркменистана (ЦГА Тур. – Ашгабат) мы почерпнули только одно дело из фонда 1 (оп. 2) (Канцелярия начальника Закаспийской области), в котором содержатся сведения о церковном обслуживании пограничных подразделений в Русском Туркестане. Безусловно, изученные архивные

материалы составили основное научное ядро данного исследования, наполнили его содержательными фактами и сведениями.

Кроме архивных документов, мы использовали материалы из опубликованных источников, касающиеся пограничной службы, данных разведки, международных отношений Российской империи на рубежах Центральной Азии, в том числе с Китаем, работы Памирской разграничительной комиссии 1895 года и др.⁶⁹. Эти источники не равноценны. Например, вопросы русско-китайских отношений на Памире в конце XIX – начале XX в. получили слабое освещение в сборнике на эту тему⁷⁰. В качестве весьма полезных источников выступили дореволюционные среднеазиатские газеты – «Туркестанские ведомости» и «Закаспийское обозрение». Из российской периодики был использован только еженедельник «Вестник финансов, промышленности и торговли», отозвавшийся на учреждение таможенной части и пограничного надзора в Средней Азии в 1894 году. Привлекались также материалы из журнала «Пограничник».

На основании обзора всех этих источников можно утверждать, что с их помощью автору удалось достичь целей исследования и решить те задачи, которые встали перед ним в процессе изучения избранной темы.

Хронологические рамки исследования охватывают преимущественно период конца XIX – начала XX в., т. е. времени, когда был образован Памирский пограничный отряд – основной предмет изучения в данной работе.

Терминология исследования разнообразна, но подчинена единой логике. В работе мы употребляем термин «Центральная Азия» только применительно к рубежам Памира. Что касается ныне употребляемого аналогичного термина, под которым понимаются страны Средней Азии и Казахстан, то мы относимся к нему с большим со-

⁶⁹ См.: Пособие командирам отрядов, вахмистрам и старшим постов Отдельного корпуса пограничной стражи для ведения на кордонах занятий с нижними чинами. СПб 1906; Россия. Договоры. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права. Т. IV. СПб., 1896; Русско-китайские отношения. 1689–1916. М., 1958; Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1 января по 1 февраля 1910 года. – Ташкент, 1910; Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1-го октября 1910 года по 1-е января 1911 года. Ташкент, 1910; The Proceedings of the Pamir Boundary Commission // The Geographical journal. January 1899. Vol. XIII, № 1

⁷⁰ См.: Русско-китайские отношения. 1689–1916. М., 1958

мнением, поскольку в географической науке под Центральной Азией понимаются совсем другие территории. Используя термин «Русский Туркестан», мы даем понять, что имеются в виду те территории Средней Азии, которые находились под российской юрисдикцией, в то время как в регионе одновременно существовали также формально независимые ханства — Бухарское и Хивинское.

Объектом исследования является система пограничной службы в царской России и ее функционирование в регионе Средней Азии.

Предметом исследования выступает специфика организации и деятельности Памирского отряда как пограничного подразделения, не принадлежащего к общероссийской системе охраны государственных границ и являвшегося руководящим органом по отношению к местному населению.

Цель исследования заключается в том, чтобы показать, что Памирский отряд, подчиненный, в отличие от прочих пограничных подразделений России, не Министерству финансов, а военному ведомству, тем не менее полностью исполнял все установленные обязанности по охране государственной границы на «Крыше мира» и, кроме того, выполнял функции административного и иного управления среди местного населения.

Для достижения поставленной цели автор поставил перед собой следующие задачи:

- обосновать основные принципы царской пограничной политики в Средней Азии после ее присоединения к России;
- выявить международные политические обстоятельства, приведшие к учреждению русского пограничного отряда на Памире;
- показать специфику организации и деятельности Памирского пограничного подразделения, его отличие от подобных формирований;
- определить роль и место Памирского отряда в жизни местного коренного населения «Крыши мира»;
- исследовать основные направления деятельности пограничного отряда по отношению к памирским кыргызам;
- охарактеризовать значение цивилизаторской работы русских пограничников среди коренного населения Памира;
- выяснить на примере Памирского отряда степень эффективности «военно-народного управления» в Русском Туркестане.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в консолидированном выражении характеризуется деятельность российского пограничного отряда на «Крыше мира». Как известно, пограничные подразделения в царской России не несли ответственно-

сти по управлению окружающим их населением, его судопроизводству, налогообложению и т. п. Поэтому Памирский отряд как пограничное воинское формирование впервые в российской истории осуществлял очень широкие и разнообразные полномочия по отношению к аборигенам «Крыши мира», исполняя административно-судебные, фискальные, здравоохранительные и др. функции. Это обстоятельство подчеркивает научную новизну проведенного нами исследования, которая проявляется также в характеристике цивилизаторской деятельности русских пограничников на «Крыше мира». Научная новизна данного исследования заключается также в том, что оно восполняет пробел не только в истории пограничных войск России, но и в прошлом всего Русского Туркестана и Средней Азии вообще.

Положения, выносимые на суд читателей:

1. На протяжении долгого времени после присоединения Средней Азии к России охрана ее государственных границ в регионе осуществлялась не пограничными формированиями, подчиненными Министерству финансов, как это было по всей стране, а войсками Военного министерства. Только в конце XIX в. в Туркестане появляются пограничные подразделения финансового ведомства.

2. Памирский пограничный отряд был образован в силу политических обстоятельств, сложившихся вокруг «Крыши мира», угрожавших ее разделом между Китаем и Афганистаном при содействии англичан. Он был сугубо воинским подразделением и подчинялся структурам Военного министерства в Русском Туркестане.

3. В своей пограничной деятельности Памирский отряд вместе с тем придерживался соответствующих правительственных установлений по охране государственной границы, борьбе с произвольными ее нарушениями, при этом учитывая их значение для традиционной хозяйственной жизни кочевников «Крыши мира».

4. Памирский пограничный отряд отличался от всех прочих подобных формирований в царской России не только тем, что он не входил в сферу ведения Министерства финансов, но и широкими и ответственными полномочиями по отношению к местному коренному населению «Крыши мира». На основании соответствующих государственных установлений начальство Памирского отряда выступало в качестве уездного правления, осуществляя над местными жителями административно-судебные, фискальные, здравоохранительные и иные функции.

5. Основной обязанностью русских пограничников на Памире был надзор за хозяйственной деятельностью кочевников, поддержание их экономического положения и материального благосостояния, оказа-

ние необходимой помощи населению в трудные времена падежа скота и регулярных голодовок. С целью облегчения последствий русские пограничники пытались привлечь номадов «Крыши мира» к заготовке кормов на зиму, выращиванию злаков и т.п.

6. Памирский пограничный отряд осуществлял широкую цивилизаторскую деятельность по отношению к местному населению — он приучал его к борьбе с эпидемическими заболеваниями, развитию торговли, кустарных промыслов и проч. Именно для него была построена дорога на «Крышу мира», которая имела не только военно-стратегическое значение, но и форсировала расширение разнообразных контактов номадов «Крыши мира» с соплеменниками на Алае и в низовых районах Ферганской долины.

Методологическая основа данного диссертационного исследования опирается на принципы исторического материализма, который некоторые ошибочно причисляют к методологии марксизма. Сегодня в научной мысли существует много разных новых (или обновленных) «методологий». Однако мы восприняли диалектический метод в качестве основного, универсального методологического инструмента для исследования. Его тоже часто связывают с марксизмом-ленинизмом, но, как мы полагаем, не совсем оправданно, поскольку он сложился еще в глубокой древности, затем был развит и усовершенствован Гегелем, а «классиками марксизма» он был использован позже как наиболее практичный и результативный метод познания.

Сегодня еще продолжают споры между адептами «формационной» и «цивилизационной» методологий. Мы считаем, что универсальный диалектический метод одинаково приложим к ним, с учетом объекта и предмета исследования. Так, например, при изучении жизни памирского населения, мы отделяли его хозяйственно-экономическую деятельность от этнического духовно-культурного бытия. Вместе с тем, придерживаясь универсального диалектического метода, мы применяли в исследовании и другие методы: исторический, логический, компаративный, хронологический, системно-структурный, социологический, статистический и проч. Совокупное применение разнообразных методов позволило более гибко подходить к изучению накопленного материала, должным образом «препарировать» его, и в итоге достичь искомых результатов.

Практическая значимость исследования представляется нам многообразной. Во-первых, оно должно быть полезно для тех, кто профессионально занимается изучением истории пограничных войск России; во-вторых, данные нашего исследования могут быть использованы при подготовке в соответствующих учебных заведениях

лекционных занятий по истории охраны государственных границ Отечества; в-третьих, они могут быть востребованы российскими учеными, изучающими историю Средней Азии и Казахстана в до-революционный период; в-четвертых, ими могут заинтересоваться историки из стран так называемой «Центральной Азии», которые не изучали проблему специальным образом, поскольку все их исследования, как правило, замыкаются в рамках территорий их новых государств.

Особенное значение имеет данное исследование для специалистов из Кыргызстана и Таджикистана, поскольку на «Крыше мира» веками жили этнические кыргызы, а сам Памир является таджикским регионом. Мы полагаем, что данное исследование может оказаться бесполезным как для российских действующих политиков и дипломатов, так и их коллег из молодых независимых и суверенных государств «Центральной Азии».

В заключение мы хотели бы выразить чувство глубокой благодарности и признательности известному российскому туркестановеду, профессору Петру Петровичу Литвинову за внимание и помощь, оказанные автору в работе над этой книгой.